

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Хищная птица

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Хищная птица

«Public Domain»

1897

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Хищная птица / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1897

«Погоня висела уже на хвосте. Слышен был топот приближавшейся бешеной скачки. По ходу догонявшей лошади старик догадался, что кучером у ревизора сидит Исайко, – так никто не проедет на сто верст...– Ох, смертынька! – причитала толстая, закутанная в платки женщина, со страхом оборачиваясь назад. – Ох, у смерти конец...– Молчи! – крикнул на нее старик, посылая лошадь одним движением вожжей. – Поменьше бы ела пирогов, так в жисть не догнать бы Исайке...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1897

© Public Domain, 1897

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Хищная птица

I

Погоня висела уже на хвосте. Слышен был топот приближавшейся бешеной скачки. По ходу догонявшей лошади старик догадался, что кучером у ревизора сидит Исайко, – так никто не проедет на сто верст...

– Ох, смертынька! – причитала толстая, закутанная в платки женщина, со страхом обращившись назад. – Ох, у смерти конец...

– Молчи! – крикнул на нее старик, посылая лошадь одним движением вожжей. – Поменьше бы ела пирогов, так в жисть не догнать бы Исайке...

Женщина покорно замолчала. Висевшая над головой опасность совершенно сгладила всякую разницу между хозяйкой и кучером. Момент был решительный, и каждая минута могла погубить.

Спасение появилось неожиданно, то есть неожиданно для нее, а не для него. Топот по мерзлой дороге был уже совсем близко, лошадь начинала сдавать, но именно в этот момент попала «росстань», то есть дорога разделилась, как в сказке, на три, и, как в сказке, старик направил свою кошовку по средней, на которой путнику «не видать ни коня, ни головы». Проехав сажен двести, старик остановил лошадь.

– Ну, Марья Митревна, за родительские молитвы ты ущитилась, – проговорил старик, слезая с облучка.

– И то, Акинтич, душенька вон...

Акинтич, худенький старичок с козлиной бородкой и глубоко посаженными темными глазками, снял шапку, чтобы удобнее прислушаться, пожевал губами и засмеялся.

– Эх, Исайко, Исайко, дал маху! – точно с сожалением проговорил он, надевая шапку. – Уж он ли, пес, не знает дорог в лесу, а ударил налево – думает, мы на Колчеган махнем, к Елисею Иванычу... Хе-хе!

Марья Митревна, охваченная страхом погони, с ужасом оглядывалась все назад, и ей было неприятно, что Акинтич смеется. Нашел тоже время... Старик перепоясался, поправил чересседельник, вытер полую шубы покрытые куржаком¹ ноздри тяжело дышавшей лошади и заворчал на нее:

– Ишь как жир-то тебя донимает, купчиху. На восьми верстах задохлась, толстомордая. Ужо вот я тебя выучу...

Несмотря на пятнадцатиградусный холод, лошадь вел дымилась, точно выскочила из бани. Она действительно была закармлена и едва дышала, раздувая крутые бока и мотая головой. Акинтич потрепал ее по крутой шее, еще раз оправил седелку и начал поворачивать.

– Ты это куда, Акинтич? – воскликнула Марья Митревна.

– А домой... – спокойно ответил старик. – Пусть теперь левизор нас по всем дорогам ищет, а мы домой потихоньку поедим. Как раз к самому чаю выворотимся... Савва Ермилыч, поди, заждался.

Старик опять засмеялся и прибавил:

– Недаром, видно, сказано, что у погони сто дорог, а у вора одна дорога... Хе-хе...

– Перестань молоть, – хозяйским тоном обрезала его Марья Митревна. – Ох, только бы господь пронес... Кажется, уж ничего бы не пожалела...

¹ Куржак – иней, изморозь.

«Как же, не пожалеешь... Разговаривай! – думал Акинтич, взманиваясь на облучок. – Тонул – топор сулил, вытащили – топорища жаль».

Теперь опасность миновала, и старик нарочно ехал тише, чтобы позлить хозяйку. Домой-то придет гроза грозой, а теперь – вся в его руках. Вот уж обрадует Савву Ермилыча, как воротится живехонька...

Дорога шла ельничком. Деревья были точно обложены ватой, – зима была снежная, какой старики не запомнили. Начинало уже смеркаться. На случай встречи с кем – совсем хорошо. Разве лошадь только признает... Потом мягкими хлопьями повалил снег – еще того лучше.

Марья Митревна приободрилась и даже ткнула Акинтича кулаком в спину.

– Ты это што дремлешь-то, разиня?!

Акинтич сразу почувствовал себя старым верным рабом и точно сделался меньше. А как он давеча-то зыкнул на нее, на Марью Митревну. Ох, што только и будет!..

Когда кошовка подъезжала к Октайскому заводу, было уже совсем темно. Издали дома рисовались совсем неясно, и только яркими всполохами светилась фабрика.

– Слава тебе, истинному Христу! – вслух молилась Марья Митревна, когда кошовка быстро полетела по широкой заводской улице.

В избах уже зажигались огни. Навстречу попалась управительская пара, но кучер, видимо, не узнал Акинтича, который, на случай, отвернулся. Переехали плотину, которой перехвачена была река Октай, поднялись немного в гору, где стояли дома заводских служащих, и повернули направо. Лошадь сама повернула к большому полукаменному двухэтажному дому и остановилась у деревянных ворот, выкрашенных в серую краску. Акинтич соскочил горошком, постучался у калитки и крикнул:

– Эй ты, старый глухарь, шевелись!..

Послышались торопливые шаги, сопровождаемые старческим кряхтеньем, грянул железный запор, ворота распахнулись, открывая широкий двор, обставленный со всех сторон службами и домовыми пристройками. Огонь был только в кухне, да наверху, в кабинете. С улицы в дом хода не было, и он походил на крепость.

– Ну, слава Христу... – как-то вся охнула Марья Митревна, вылезая из кошовки с большим трудом.

Она огляделась кругом и только потом достала из кошовки зарытый в сене кожаный мешок и с трудом дотащила его к заднему кухонному крыльцу. Акинтич проводил ее глазами до дверей и сердито отплюнулся.

«Эх, надо бы ее было поучить! – думал он, укоризненно качая головой. – Кабы левизор-то накрыл даве, так и по судам бы натаскалась и в остроге бы насиделась. Жадна больно...»

Марья Митревна прошла в кухню, где ее уже ждала стряпка с заспанным лицом. Она не успела выскочить навстречу хозяйке и смущенно ухватила за кожаный мешок.

– Оставь, дура!.. – обругала ее Марья Митревна, не давая мешка.

Собственно, жили только в нижнем этаже, в маленьких, заставленных мебелью комнатах, а верх служил только для парадных случаев и стоял пустой. Марья Митревна прошла к себе в спальню, сунула свой мешок в угол, разделась при помощи стряпки и приказала:

– Позови сюда Акинтича.

Марья Митревна была еще не стара, но ее портила купеческая брюзглость. Лицо совсем заплыло, хотя еще и сохранились следы недавней красоты в русском стиле. Одевалась она по купечески, а на голове носила черную шелковую «головку»². В манере говорить и держать себя чувствовалась привычка быть деспотом. Это чисто сибирская черта, потому что в Сибири громадные торговые фирмы очень нередко управляются женщиной, особенно в раскольничьих промышленных семьях, а в купечестве наособицу, если у жены свой собственный капитал.

² Шелковая «головка» – головная повязка, платок.

Акинтич торопливо разделся в кухне и, потряхивая своей маленькой головкой, пошел в спальню к «самой». Старик был такой худенький и жалкий, когда остался в одном полукафтани.

– Ну, что скажешь, старый черт! – встретила его Марья Митревна на пороге. – Я уж думала, ты меня ударишь...

– Дело-то такое, Марья Митревна... Виноват, – бормотал Акинтич, поводя костлявыми плечами. – Значит, надо тоже понимать, а твоя женская часть...

– Ладно, я с тобой еще поговорю...

Она ушла в спальню и вернулась со стаканом водки.

– Вот на, выпей... Тоже, поди, напужался. Да... Выпей да помни, ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

– Ох, матушка, Марья Митревна, да руби меня топором – не пикну. Знать ничего не знаю, ведать не ведаю.

Марья Митревна сунула ему за труды гривенник и велела убираться. Не так бы она рассчиталась с ним, ежели бы не нужный человек... Акинтич жил при доме с испокон веку и давно сделался своим человеком, от которого не было тайн. Очень ей хотелось сорвать на нем сердце, но уж дело такое подошло. Собственно, испугалась по-настоящему Марья Митревна только сейчас, и ей живо нарисовалась картина, как ревизор накрывает ее с поличным, – в кожаном мешке она везла ровно полпуда краденой платины, – как потом ее потащили бы к следователю в суд, а там и в острог. У нее пошел мороз по коже от этих мыслей. Марья Митревна присела на кровать и заплакала бессильными бабьими слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.